

DOI: 10.31857/S086904990014922-6

ДИСКУССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ DISCUSSIONS IN SOCIAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original Article

Социология и история: общее, особенное, перспективы

© В.В. ШИЛОВ

Шилов Владимир Викторович, Березниковский филиал Пермского национального исследовательского политехнического университета (Березники, Пермский край, Россия), vvs595959@mail.ru

В статье рассмотрены объект, предмет, структура и функции социально-политических, гуманитарных наук. Показана противоречивая судьба социальных наук в советский период, их важное значение в поступательном развитии общества. Проанализированы цели, задачи представителей общественных наук, политиков, общественных деятелей в процессе формирования ценностных установок личности в эпоху цифровых коммуникаций. Выделена возрастающая роль историософии и исторической социологии в эпоху колоссальной плотности и скорости информационной среды, а также необходимость представителям общественных наук овладеть междисциплинарной методологией.

Ключевые слова: наука, закономерности развития, научные школы, власть, теоретические и полевые исследования, синтез знаний, анализ, прогноз, информационные потоки, междисциплинарность, рекомендации, практическое применение, гражданская ответственность.

Для цитирования: Шилов В.В. (2021) Социология и история: общее, особенное, перспективы // Общественные науки и современность. № 2. С. 103–113. DOI: 10.31857/S086904990014922-6

Sociology and History: General, Special, Perspectives

© V.V. SHILOV

Vladimir V. Shilov, Bereznikovsky Branch of the Perm National Research Polytechnic University (Berezniki, Perm Territory, Russia), vvs595959@mail.ru

Abstract. The object, subject, structure and functions of socio-political, humanitarian sciences are considered. The contradictory destiny of social sciences in the Soviet period, their importance in the progressive development of society is shown. The goals and tasks of the representatives

of social sciences, politicians, public figures in the process of forming value attitudes of the individual in the era of digital communications are analyzed. A statement is made about the growing role of historiosophy and historical sociology in the era of colossal density and speed of the information environment and the need to master the interdisciplinary methodology for social scientists.

Keywords: science, laws of development, scientific schools, government, theoretical and field research, synthesis of knowledge, analysis, forecast, information flows, interdisciplinarity, practical application, civil liability.

For Citation: Shilov V. (2021) Sociology and History: General, Special, Perspectives. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 103–113. DOI: 10.31857/S086904990014922-6 (In Russ.)

Представители гуманитарных наук хорошо знают, что на формирование норм нравственности и этики личности влияют не только сложившаяся система образования и воспитания, объекты материальной и духовной культуры общества, но и социально-экономические, политические отношения, доминирующие в социуме. Поэтому деление общественных наук на «гуманитарные» и «социально-политические» во многом будет условно. Тем не менее мы остановимся на последней классификации, в частности на таких социально-политических науках, как история и социология.

В различных словарях, учебниках и учебных пособиях *объект и предмет истории и социологии* почти не имеет существенных различий. *Объектом* исторической науки считают совокупность обществ, составляющих человечество (в социологии указывают, что это – само общество, объективная реальность).

Предмет исторической науки определяется как изучение закономерностей развития общества, а также его отдельных сегментов, явлений (в социологии упор сделан на раскрытии причинно-следственных связей, возникающих между индивидами и группами в процессе социального взаимодействия).

В то же время даже школьный учитель истории на своих уроках часто «вторгается» в предметную область социологии, не замечая и не акцентируя на этом внимания своих подопечных. В высшей школе преподаватель истории просто обязан раскрывать студентам глубинные причинно-следственные связи исторических событий и явлений, а также показывать историко-культурный «горизонт прогнозирования» (forecasting time-frame) муниципалитету, региону, страны (если мы действительно хотим уйти от оставшихся элементов школы схоластики, в самом худшем смысле этого понятия – оторванность от жизни, отвлеченные рассуждения, пусть даже и подаваемые в «игровой» форме с историческими «прибаутками»). Несколько сложнее со структурой истории и социологии, но можно и здесь выделить трехуровневую систему и определенное тождество.

Социологию часто подразделяют: 1) макро- (теоретическая) социология; 2) мезо- (средний уровень) социология (изучающая социальные институты: политика, образование, армия, религия, город, семья и т.п.; 3) микро- (прикладная) социология – получение информации конкретных социальных фактов из реальной общественной жизни, которые и снабжают информацией к теоретическим и практическим размышлениям все уровни социологии.

В исторических науках традиционно проводят деление по хронологии и регионам, выделяя следующие уровни: глобальная, национальная, региональная и локальная история. Здесь появляется желание «притянуть», структурировать историческую науку по аналогии с социологией – «макро- мезо- и микро- уровни», то есть «связать» (показать «общность» истории с социологией) тем более солидное количество исторических наук

и вспомогательных исторических дисциплин. Однако это выглядит довольно «революционно», и данный вопрос будет рассмотрен в отдельной статье.

Определение сущности и основных содержательных характеристик любого объекта и предмета исследования возможно только при наличии категориально-понятийного оформления. В нашем случае о категориях, методах, методологии исторической науки размышляли и писали советские историки в период застоя [Барз 1984, с. 342] и перестройки [Ковальченко 1987], в том числе представители пермской школы (см. [Кертман 1971]). Официально у всех обществоведов в советский период официально была только одна методология – марксистско-ленинская.

Тем не менее в годы «застоя» советским историкам были доступны и некоторые зарубежные труды по общим проблемам методологии истории. Например, интересная работа французского историка М. Блока, изданная в 1973 г. с солидным по нынешним меркам тиражом в 21 500 экземпляров [Блок 1973].

С социологией в СССР было сложнее. Более того, ее судьба в Стране Советов была трагична (напомню, кстати, что один из отцов научной социологии П. Сорокин был нашим соотечественником). Только в период «хрущевской оттепели» началось фактическое возрождение социологии. В 1956 г. в Москве прошла конференция Международного института социологии по проблемам мирного существования (тогда ученые заставили руководство АН СССР задуматься о существовании общественной науки, отличной от философии и научного коммунизма).

В 1958 г. была создана первая в СССР Советская социологическая ассоциация (ССА). Однако только в 1991 г. состоялся первый съезд социологов СССР. 22 января 1992 г. ССА прекратила свое существование, передав Российскому обществу социологов (РОС) свои полномочия в Международной социологической ассоциации и региональные отделения на территории России.

В Пермском Прикамье становление социологии во многом обязано доктору философских наук, профессору Пермского политехнического института (ныне ПНИПУ) З. Файнбургу. В 1967 г. он создал и возглавил лаборатории промышленной социологии и социологии высшего образования в Пермском политехническом институте. За разработку одной из первых в СССР методик социального планирования коллектива предприятия в 1969 г. он был награжден медалью ВДНХ СССР.

В годы застоя советские социологи предпочитали заниматься в рамках проблем микро- (прикладной) и мезо- (отраслевой) социологией. Известный социолог В. Ядов в конце 1950-х гг. создал лабораторию социологических исследований при ЛГУ. Впервые в Советском Союзе здесь стали изучать трудовую мотивацию и ценностные ориентации [Здравомыслов, Ядов, Рожин 1967]. В 1968 г. Ядов защитил диссертацию на соискание степени доктора философских наук по теме «Методологические проблемы конкретного социологического исследования».

На уровень исследований, дискуссий макро- (теоретической) социологии вплоть до перестройки советские социологи практически не выходили, так как ее «заменил» исторический материализм. Poleмика с адептами этой науки могла привести к большим личным проблемам. Упомянутый Файнбург только в 1991 г. опубликовал свою монографию «Не сотвори себе кумира...: Социализм и “культ личности”» с подзаголовком «очерки теории» [Файнбург 1991].

Многие представители исторических наук в годы застоя предпочитали «уходить» в археологию, этнографию, в «досоветский период» или занимались исследованием зарубежных стран. Критически осмысливать историю советского периода не представлялось возможным, тем более значительная масса архивных документов советского периода исследователям была недоступна.

Строгий «классовый подход» не позволял историкам и социологам писать об «общечеловеческих ценностях», тем более критиковать советскую номенклатуру, ее решения,

и это была трагедия социально-политических наук советского периода. Более того, не имея объективных данных о советском обществе, его слабых и сильных сторонах, реформаторы периода перестройки и кардинальных реформ 1990-х гг., действуя методом «проб и ошибок» вместе с водой выплеснули и ребенка (нем.: Das Kind mit dem Bade ausschütten).

В наши дни уже почти нет тем, закрытых для исследований, но появилась другая проблема. Существует мнение, что «историю» и «социологию» вряд ли можно считать именно научными дисциплинами, так как наука возникает только тогда, когда начинают проявляться определенные закономерности. Как следствие – многочисленные труды по макро- (теоретической) социологии и глобальной, национальной истории, в том числе и учебники по этим отраслям знаний, – это всего лишь некие самостоятельные авторские мнения.

Кандидат философских наук А. Нестеренко на страницах солидного журнала «Вопросы истории» в статье с провокационным названием «Почему история не наука: размышления о специфике предмета, объекта и метода историографии» пишет: «Историю следует рассматривать не как науку, а как синтетический вид мировоззрения, в котором научная рациональность сочетается с религиозным, мифологическим, обыденным и художественным видами мировоззрения» [Нестеренко 2019, с. 57].

Представитель «философской науки» Нестеренко будет прав, если без критического анализа поверхностно читать многочисленные «исторические» труды, начиная с «отца истории» Геродота. Даже наш древнерусский Нестор Летописец в своей «Повести временных лет», ценнейшем источнике о начальной истории древнерусского государства, показывает и всемирную историю от библейского «Ветхого Завета». Причем, по его версии, один из трех сыновей Ноя – Иафет, стал «прародителем» наших далеких предков славян.

Выискивать погрешности, недостатки («искать блох») обязательно нужно. Неслучайно практически все учебники, пособия, выдержавшие испытанием времени, при переиздании, как правило, всегда имеют пометку «дополненное и исправленное». Таковы азы науки.

Обвинять в «мифологичности, религиозности, обыденном и художественном мировоззрении» вряд ли корректно, скажем, и таких мыслителей, как Вольтер. Он ввел понятие «философия истории» и впервые применил оригинальный метод исследования в работе о Людовике XIV с позиций именно *исторической социологии* – эпоха рассмотрена как широкий спектр социальных структур, личностей, которые стали основой сложных, противоречивых социальных процессов [Вольтер 1809].

Заслуживает внимания и немецкий мыслитель (и богослов), историк культуры И. Гердер, который еще в XVIII в. поставил вопрос о существовании общих законов исторического развития, предложив теорию исторического прогресса народов и человечества. Гердер одним из первых привлек внимание исследователей к фольклору как проявлению уникального духа того или иного народа [Гердер 1977].

Представители истории социальных наук могут вполне корректно заметить, что в статье не названы знаковые мыслители Античного мира (Аристотель, Платон и даже, по крылатому выражению Цицерона, «отец истории» Геродот и др.), или, скажем, арабский философ Средневековья Ибн-Хальдун (1332–1406), которого ряд авторов считают основоположником арабской социологии [Араби 1990, с. 107]. Он уже в XIV в. скрупулезно рассматривал причины подъема и упадка стран и народов, что, несомненно, делает ему большую честь (см. [Сорокин 1992, с. 176]).

Подробный анализ заслуг перед социальными науками великих мыслителей прошлого займет очень много места, поэтому ограничимся перечислением наиболее известных.

В XIX–XX вв. появляется плеяда замечательных представителей *философии истории* или *историософии*. В их трудах исследованы имманентная логика развития человеческого

общества, единство и многомерность исторического процесса, проблемы социального детерминизма, истинность исторических фактов и событий. *Историческая социология* рассматривает развитие общества в истории, формирование в результате длительных и сложных социальных процессов социальных структур, исследует причины возникновения, существования, упадка империй, а также природу государств, процессы их создания, социальное неравенство и гендер. Их труды востребованы и современными исследователями. Назовем только некоторых исследователей вышеперечисленных сложных социальных явлений: Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, О. Конт, Г. Спенсер, Н. Данилевский, В. Ленин, О. Шпенглер, П. Сорокин, К. Ясперс, А. Тойнби, Т. Парсонс, А. Франк, Р. Мертон, Л. Козер, Р. Дарендорф, Д. Дейвис, М. Олсон, Дж. Ленски, Р. Сведберг, К. Поппер, Т. Кун, П. Бурдьё, И. Валлерстайн, Дж. Даймонд и др.

Отцами-основателями исторической социологии традиционно считают К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюргейма, Г. Зиммеля. Примечательно, что, как считал американский социолог, специалист в области теории элит и сравнительной исторической социологии Р. Лахман, социология с самого начала создавалась как историческая дисциплина и ее предметом были социальные трансформации. Только впоследствии социология стала больше сосредоточиваться на современном обществе, анализируя отдельные аспекты статистического среза общества и пытаясь объяснить индивидуальное поведение [Лахман 2016]. В наши дни в России историческая социология, ее предмет, функции вызывают жаркие дебаты (см. [Романовский 2008, с. 3]), несмотря на солидный период ее существования.

Историки-традиционалисты, добротные специалисты в области конкретных исторических наук и вспомогательных исторических дисциплин нередко обвиняют представителей философии истории и исторической социологии в «хронологической беспечности», отсутствии четкого различия «исторического факта» и «исторического мифа», строгих принципов исследовательской деятельности в процессе разработки знаний. Другими словами, упреки состоят в неприменении методологии.

В некотором смысле с этими историками конкретных исторических дисциплин можно согласиться, так как одна из черт лжеученого – невозможность его проверить. Прогнозом развития «на ближайшие века», скажем, о победе коммунизма на Земном шаре [Маркс, Энгельс 1955, с. 419–459], «конце истории» [Фукуяма 2007] или о грядущем «столкновении цивилизаций» [Хантингтон 2006] приходится верить только на слово, что в науке неприемлемо. Например, оригинальная работа профессора, историософа О. Шпенглера «Закат Европы» (1-й том в 1918 г. и 2-й том в 1922 г.) все еще не подтверждает этот самый «закат» на значительной территории Земного шара [Шпенглер 2019]. Впрочем, если принять его положение, что последние 100 лет «закат Европы» все-таки наблюдается, то это был довольно блистательный закат.

Историки, несмотря на частую схожесть объекта и предмета исследования с социологами, по большому счету, в массе своей дистанцируются от них и социальных философов. Более того, и в их среде не только возникают различные школы, но и между ними идут довольно жаркие дискуссии. Приведем примеры.

Большой интерес вызывают труды представителей «Новой исторической науки» (Школа «Анналов»), основанное блестящими мыслителями Л. Февром [Февр 1991], упомянутым выше М. Блоком [Блок 1973] и Ф. Броделем [Бродель 2008]. Несмотря на вроде бы «железную аргументацию» и немалое количество сторонников (прежде всего среди западноевропейских исследователей социальной истории), в противовес Школе анналов, в Италии в 1970-е гг. возникло такое интересное направление в исторической науке, как «микроистория». Труды представителей этой школы, безусловно, заслуживают внимания и уважения благодаря интересным работам Д. Леви [Леви 1996] и К. Гинзбурга [Гинзбург 2004].

Представители «микроистории», последователи Гинзбурга и Леви (Х. Медик, Н. Земон Дэвис, Э. Ле Руа Ладюри) ставили, на первый взгляд, другую цель, чем представители Школы анналов («тотальной истории»): показать «историю» небольших территорий и популяций (поселок, семья) и ментальность «обычного» человека [Репина 1998, с. 78], который «теряется» в глобальной истории (исторических трудах). На основе этих многочисленных «частных явлений» и следует выявлять господствующие представления и тенденции развития общества в целом.

Оригинально звучит сделанное в Базеле в 1990 г. высказывание одного из разработчиков этого интересного направления в исторической науке – итальянского историка Дж. Леви: микроистория – это «не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» (цит. по [Медик 1994, с. 193]).

Во второй половине XX в. при становлении «новой истории» сформировалось и такое направление развития исторической науки, как «история повседневности». Первоначально оно возникло в среде западногерманских молодых ученых, которые начали пристально изучать условия жизни, труда и отдыха (проживание и быт, рекреация, лечение, питание, адаптация). Привлекли их внимание факторы, влияющие на формирование норм поведения, политические предпочтения именно «простых людей».

Социологи-«полевики» (прикладная социология) могут здесь возмутиться: мол, «историки повседневности» занимаются не своим делом, отбирают у них «хлеб». Впрочем, подобные «претензии» могут предъявить и социологам.

Однако данное направление в исторической науке (история повседневности) сложилось в среде западногерманских ученых историков неслучайно. Наблюдая системный кризис в немецкой исторической науке во второй половине прошедшего столетия, они и противопоставили традиционному подходу изучения новой и новейшей истории (социальной истории Германии, прежде всего госполитики, глобальных и экономических структур и процессов) исследования «малых жизненных миров» и повседневной жизни «обычных», «рядовых» граждан [Топычканов 2006].

Выход из противоречивой сложившейся ситуации историки (представители макро- и микро- школ) не нашли и в конце XX столетия. В исторической науке появляется направление «глобальная история», видимо, как ответ на процессы глобализации и из-за невозможности традиционной «всеобщей истории» преодолеть практику национально-государственной истории [Ионов 2009].

Можно предположить, что возникновение «микроистории» и «истории повседневности» было вызвано скепсисом относительно безграничных возможностей индустриального общества. Ее подвергли жесткой критике историки-традиционалисты в той же Германии (в Великобритании, Франции и особенно в США к ним отнеслись доброжелательнее), прежде всего, за отрицание понятия «тотальная история», отсутствие методик и т.п. В конце 1980-х гг. «история повседневности» все же достойно заняла свою «нишу» в сонме социальных наук, став составной частью исторической науки.

Возникает сложный вопрос: какова цель, задачи любого исторического исследования? С одной стороны, функция профессионала историка вроде бы проста – рассказать, *как было на самом деле* (как в математике – докажи!). Однако данная функция характерна в основном для вспомогательных исторических дисциплин (генеалогия, хронология, топонимика, нумизматика и др.) или для таких исторических наук, как археология или этнография.

Близко к конкретным историческим наукам и дисциплинам стоит микро- (прикладная) социология, которая тоже работает с вещественными факторами (наличие и условия проживания, предметов труда и быта, доступность и качество питания и т.п.). Социолог-прикладник (полевик) привлекает для изысканий документы, в основном, временного хранения: книги учета, протоколы, анкеты, опросные листы и пр., – которые еще не стали достоянием архивов («вотчины» историков).

Конкретные исторические дисциплины отвечают на вопрос «что это» (орудие труда, быта, охоты, украшение) и «как это» (работает, применяется). В частности, об этом размышлял замечательный археолог, культур-антрополог, историк науки Л. Клейн. Он даже говорил, что археология по методологической природе схожа с криминалистикой [Клейн 2013].

Прикладная социология тоже отвечает на конкретные вопросы, дает четкую диагностику социальной системы, группы, личности, предлагает и дает «заказчику» конкретную рекомендацию для практического воплощения (историки проводят экспертизы при составлении, скажем, музейных экспозиций, энциклопедий, справочников).

Конкретные исторические науки и вспомогательные исторические дисциплины, как и микро- (прикладная) социология, будут существовать всегда. Однако задача истории не только отвечать на вопросы «что это» и «как это», а выявлять причинно-следственные связи появления орудий труда и быта, оружия, выяснять и раскрывать предпосылки и этапы возникновения достижений материальной и духовной культуры, причины «застойных», кризисных явлений в жизни социума, истоки разрушительных войн.

Подобный анализ наблюдается в трудах замечательных исследователей, представителей макро- (теоретической) социологии, о которых было сказано выше. Здесь интересно отметить и размышления немецкого философа и социолога П. Барта. Более века назад он считал, что историю не стоит рассматривать, как ничем не регулирующую игру событий. Философию истории Барт отождествлял с социологией, а собственно история виделась ему в виде конкретной социологии, тогда как теория истории абстрактна и совпадает с абстрактной социологией [Барт 1902].

По мнению автора, сегодня у истории и социологии функции идентичны и выразить их можно в трех словах: *анализ-синтез-прогноз*. Здесь «дипломированные социологи» могут возразить: «прогноз» – это только их «епархия», а задача, функция «историка» изучать исключительно прошлое... Возразим известными словами В. Ключевского, первого отечественного историософа, имеющего и массу конкретных исторических исследований: «История – это фонарь в будущее, который светит нам из прошлого».

Более того, если историк не будет «надзирать» за властью имущими, для социума это может закончиться трагедией. Гениально сказал об этом Ключевский: «История не учительница, а надзирательница: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Данный постулат вполне применим и к социологии.

Выхватывая «выгодные» исторические факты прошлого, интерпретируя их в угоду установленному режиму, неразборчивые в средствах политики будут заниматься обоснованием «статус-кво» (для этого у них нередко есть мощнейший арсенал пропаганды – от ораторов-комиссаров до ТВ и Интернета). Удивительно точно писал Дж. Оруэлл в культовом романе «1984»: «тот, кто управляет прошлым, тот управляет будущим» [Оруэлл 2019].

Изучая сложнейшие социальные процессы и явления, нужен не просто «историк» конкретной дисциплины (археологии, этнологии, исторической демографии, исторической психологии, дипломатик, и многих других). Необходим исследователь многогранного исторического процесса, который говорит о сложных «историософских» проблемах общества и индивида, используя «кооперацию научных дисциплин», то есть принципы мультидисциплинарного исследования.

Историческая наука на Западе после знаменитой работы Гегеля «Философия истории» (термин ввел, как отмечалось выше, Вольтер) из истории как описательного повествования трансформировалась в историософию [Гегель 1993]. В России только Ключевского можно считать первым историософом [Ключевский 1989].

Ключевский умер в 1911 г., а судьба его учеников (школы) во многом трагична. После 1917 г. многим из них пришлось эмигрировать, а те, кто остались, были репрессирова-

ны. «Советская историческая наука» была практически полностью идеологизирована. Советский период изображали в отечественной историографии как «лакоkrасочный», а досоветский представляли в довольно мрачных тонах.

Проследим по советским учебникам историю самой большой социальной общности (класса) России – крестьянства. «По логике» этих учебников, наше бедное крестьянство из века в век все более и более «закрепощали», на протяжении веков его жестко эксплуатировали. Даже отмена крепостного права в 1861 г. квалифицировалась как один из видов обмана и грабежа многострадального русского крестьянства... Впрочем, у думающего студента (читателя) закономерно возникал вопрос: а как наше бедное крестьянство более чем за тысячу лет существования государства выжило до 1917 г.?

Социологию в СССР заменял «Научный коммунизм» (доказывал неизбежность гибели капитализма и победы коммунизма на всех континентах) наряду с «Историей КПСС». «Марксистско-ленинская философия» с 1963 г. до конца 1980-х гг. была обязательным учебным предметом в советских вузах.

В конце перестройки кафедры «Научного коммунизма» были перепрофилированы на преподавание введенной в программы вузов курсов «социологии» и «политологии». Курс «Истории КПСС» заменили на «Отечественную историю», что тогда спасло от увольнений многих преподавателей этих предметов.

В Конституции РФ в статье 13 записано: в России «признается идеологическое многообразие» (п.1) и «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (п.2). К сожалению, и сегодня историческая наука в известном смысле нередко выполняет «идейно-политическую» функцию, истории и социологии не только не свойственную, но и категорически противопоказанную. «Историки» и «социологи», выступающих в многочисленных СМИ (некоторые даже имеют и базовое образование рассматриваемых наук), правильнее было бы называть просто «пропагандистами» – не более.

Представители академической исторической и социологической науки могут возражать: не их дело обращать внимание и тратить свое драгоценное время на разоблачение фейков «желтой прессы», проходных «мыльных сериалов», политических шоу с участием квазиученых-обществоведов. С этой точки зрения, они возможно, и правы. Однако власть (эксперты) отнюдь не на страницах желтых изданий обещает «прорыв» («чудо»?), «прыжок в новый технологический уклад» и возможность за пять–шесть лет войти в пятерку ведущих экономик мира. В то же время понятия «прорыв», «прыжок» даже экономисты в своих трудах не используют. (Такие словосочетания, как «японское экономическое чудо», появились постфактум и его анализируют те же исследователи экономической истории стран и народов.)

Как объяснить молчание российских представителей социальных наук, когда на заседании в Страсбурге 19 сентября 2019 г. Европарламент принял резолюцию, в которой приравнял фашизм и коммунизм («грубой фальсификацией» назвала такое решение только официальный представитель МИД РФ М. Захарова.)

Подводя итог, следует сделать вывод: представители исторической и социологической науки призваны не только выявлять причинно-следственные связи сложных явлений, но и формировать мировоззрение граждан (возможно, это и есть «конечная» функция истории и социологии?). Кроме профессиональных навыков, они должны обладать и гражданским мужеством.

Профессиональные компетенции, разумеется, всегда будут иметь приоритет. Любой исследовательский процесс – это работа, требующая большого внимания, усидчивости, часто монотонной, рутинной и порой скучной деятельности. Полученные историком результаты, скажем, в экспедициях, архивах, – многочисленные «подсчеты», сгруппированные в статистические таблицы. Данные многочисленных социологических опросов,

интервью, оформленные в инфографике, – только половина или даже начальная стадия работы историка и социолога.

Научный руководитель (или оппонент, или «заказчик»), просмотрев многочисленные статистические таблицы, графики с различными показателями или рейтинги политических лидеров, партий, конфессий и т.п., – в конце научной работы («диссертации», «отчета») может написать едкое словосочетание «ну и что» или просто поставить большой вопросительный знак.

В XXI в., когда мы имеем колоссальную плотность и скорость информационной среды, получить новые знания можно только, овладев *междисциплинарной методологией*. Умение работать с большими массивами информации самых различных отраслей знаний, обладать эрудицией – таким и будет главное качество современного исследователя. Конечно, он должен обладать неиссякаемой любознательностью, незаурядным умом и большим трудолюбием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Араби Б. (1990) Ибн-Хальдун – основоположник арабской социологии // Социологические исследования. Т. 11. С. 107–109.
- Барг М.А. (1984) Категории и методы исторической науки. М.: Наука.
- Барт П. (1902) Философия истории как социология / Пер. с нем. М.С. Модель. С.-Петербург.
- Блок М. (1973) Апология истории, или Ремесло историка. Пер. с фр. Е.М. Лысенко. М.: Наука.
- Бродель Ф. (2008) Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир.
- Вольтер Ф.М. (1809) История царствования Людовика XIV и Людовика XV королей французских, с привоскуплением словаря всех знаменитых Французских мужей: министров, полководцев, писателей и художников, прославивших царствование сих государей. Соч. в 4 т. Пер. А. Воейков. Ч. 3. М.: В Унив. Тип.
- Гегель Г.В.Ф. (1993) Лекции по философии истории. СПб.: Наука.
- Гердер И.Г. (1977) Идеи к философии истории человечества / Пер. и примеч. А.В. Михайлова; Отв. ред. А.В. Гулыга. М.: Наука.
- Гинзбург К. (2004) Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история / Пер. с итал. и послесл. С.Л. Козлова. М.: Новое издательство.
- Здравомыслов А.Г., Ядов В.А., Рожин В.П. (1967) Человек и его работа (социологическое исследование). М.: Мысль. (Включена в список лучших книг по социологии XX в., составленный МСА).
- Ионов И.Н. (2009) Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. № 2. С. 33–60.
- Кертман Л.Е. (1971) Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. № 1. С. 55–68.
- Клейн Л.С. (2013) Этногенез и археология. В 2-х тт. Т. 1. Теоретические исследования. Т. 2. Арии и *varia*. СПб.: Евразия.
- Ключевский В.О. (1989) Методология русской истории, 1884/1885 г. Соч. в 9 т. Т. VI. М.: Мысль.
- Ковальченко И.Д. (1987) Методы исторического исследования. М.: Наука.
- Лахман Р. (2016) Что такое историческая социология? / Пер. с англ. М.В. Дондуковского, под науч. ред. А.А. Смирнова. М.: Изд. Дом. «Дело» РАНХиГС.
- Леви Д. (1996) К вопросу о микроистории. – Современные методы преподавания новейшей истории. М.: Наука.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955) Манифест Коммунистической партии. Соч. 2-е изд. в 50-ти т. Т. 4. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Медик Х. (1994) Микроистория // THESIS. Вып. 4. С. 193–202.
- Нестеренко А.Н. (2019) Почему история не наука: размышления о специфике предмета, объекта и метода историографии // Вопросы истории. № 4. С. 57–66.
- Оруэлл Дж. (1999) «1984». Пер. с англ. В. Голышева. М.: Изд-во АСТ.
- Репина Л.П. (1999) Персональная история: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2. С. 7–13.
- Романовский Н.В. (2008) К итогам «круглого стола» по исторической социологии // Социологические исследования. № 10. С. 3–13.

Сорокин П.А. (1992) Человек. Цивилизация. Общество. Общ. ред. сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат.

Топычканов А.В. (2006) История повседневности в немецкоязычной историографической традиции. Краеведение в России: история, современное состояние, перспективы развития. Материалы II Всероссийского семинара краеведов «Любовь к малой родине – основа патриотизма» (Воронеж, 31 января – Москва, 1 февраля 2005 г.) / Гл. ред. С.О. Шмидт. М.: Ключ-С.

Файнбург З.И. (1989) Не сотвори себе кумира...: Социализм и «культ личности»: (Очерки теории). М.: Политиздат.

Хантингтон С. (2003) Столкновение цивилизаций. Перевод с англ. Т. Велимеев, Ю. Новиков. Послесловие С. Переслегин. М.: АСТ.

Февр Л. (1991) Бои за историю. М.: Наука.

Фукуяма Ф. (2007) Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левин. М.: АСТ.

Шпенглер О. (2019) Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 1. Образ и действительность / Пер. с нем. Н.Ф. Гарелин. Изд-во: Поппури. Том 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. С.Э. Борич. Изд-во: Поппури.

REFERENCES

Arabi B. (1990) Ibn-Hal'dun – osnovopolozhnik arabskoj sociologii [Ibn-Khaldun – the founder of Arab sociology]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 11, pp. 107–109.

Barg M.A. (1984) *Kategorii i metody istoricheskoy nauki* [Categories and methods of historical science]. Moscow: Nauka.

Bart P. (1902) *Filosofiya istorii kak sociologiya* [Philosophy of History as Sociology]. Per. with him. M.S. Model. St. Petersburg.

Block M. (1973) *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [Apology of history, or Craft of the historian]. Transl. with fr. E.M. Lysenko; USSR Academy of Sciences. Moscow: Nauka.

Braudel F. (2008) *Grammatika civilizacij* [Grammar of Civilizations]. Moscow: Ves' mir.

Fainburg Z.I. (1989) *Ne sotvori sebe kumira...: Socializm i «kul't lichnosti»* [Do not make yourself an idol ...: Socialism and the "cult of personality"]: (Essays on the theory). Moscow: Politizdat.

Febvre L. (1991) *Boi za istoriyu* [Fights for the story]. Moscow: Nauka.

Fukuyama F. (2007) *Konec istorii i poslednij chelovek* [The end of history and the last man]. Per. from English M.B. Levin. Moscow: AST.

Ginzburg K. (2004) *Mify – emblemy – primety. Morfologiya i istoriya* [Myths - emblems - signs. Morphology and History]. Transl. with ital. and after S.L. Kozlova. Moscow: New Publishing House.

Hegel G.V.F. (1993, 2000) *Lekcii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history]. St. Petersburg: Nauka.

Herder I.G. (1977) *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of the history of mankind]. Per. and note. A.V. Mikhailova; Repl. ed. A.V. Gulyga; USSR Academy of Sciences. Moscow: Nauka.

Huntington S. (2003) *Stolknovenie civilizacij* [The Clash of Civilizations]. Translated from English. T. Velimeev, Yu. Novikov. Afterword S. Pereslegin. Moscow: AST.

Ionov I.N. (2009) Novaya global'naya istoriya i postkolonial'nyj diskurs [New global history and postcolonial discourse]. *Istoriya i sovremennost'*, no. 2, pp. 3–60.

Kertman L.E. (1971) Zakony istoricheskikh situacij [Laws of historical situations]. *Voprosy istorii*, no. 1, pp. 55–68.

Klein L.S. (2013) *Etnogenez i arheologiya* [Ethnogenesis and archeology]. In 2 vols. T. 1. *Theoretical research*. T. 2. *Arias and varia*. St. Petersburg: Eurasia.

Klyuchevsky V.O. (1989) *Metodologiya russkoj istorii, 1884/1885 g.* [Methodology of Russian History, 1884/1885]. Op. in 9 vols T. VI. Moscow: Mysl', pp. 5–93.

Kovalchenko I.D. (2003) *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow: Nauka.

Lahman R. (2016) *CHto takoe istoricheskaya sociologiya?* [What is historical sociology?]. Per. from English M.V. Dondukovsky, under the scientific. ed. A.A. Smirnova. Moscow: Publishing. House. «Delo» RANEPА.

Levy D. (1996) K voprosu o mikroistorii [On the issue of microhistory]. *Sovremennye metody prepodavanuya istorii*. Moscow: Nauka.

- Marx K., Engels F. (1955) *Manifest Kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party]. Op. 2nd ed. in 50 vols. T. 4. Moscow: Gos.izdatelstvo politicheskoy literatury.
- Medic H. (1994) Mikroistoriya [Microhistory]. *THESIS*, vol. 4, pp. 193–202.
- Nesterenko A.N. (2019) Pochemu istoriya ne nauka: razmyshleniya o specifikе predmeta, ob'ekta i metoda istoriografii [Why history is not science: reflections on the specifics of the subject, object, and method of historiography]. *Voprosy istorii*, no. 4, pp. 57–66.
- Orwell J. (2019) «1984». Per. from English In Golysheva. Moscow: AST Publishing House.
- Repina L.P. (1999) Personal'naya istoriya: biografiya kak sredstvo istoricheskogo poznaniya [Personal history: biography as a means of historical knowledge]. *Kazus*, vol. 2, pp. 7–13.
- Romanovsky N.V. (2008) К итогам «круглого стола» по исторической социологии [To the results of the round table on historical sociology]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 10, pp. 3–13.
- Sorokin P.A. (1992) *Chelovek. Civilizatsiya. Obshchestvo* [Person. Civilization. Society]. Society ed. comp. and foreword. A.Yu. Sogomonov: Per. from English. Moscow: Politizdat.
- Spengler O. (2019) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii* [The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history]. Vol. 1. Image and reality. Trans. from the German N. F. Garelin. Publishing house: Potpourri, vol. 2. World-historical perspectives. Trans. from the German S. E. Borich. Publishing house: Potpourri.
- Topychkanov A.V. (2006) Istoriya povsednevnosti v nemeckoyazychnoy istoriograficheskoy traditsii [The history of everyday life in the German-speaking historiographic tradition]. *Local history in Russia: history, current status, development prospects*. Materials of the II All-Russian Seminar of Local History «Love for a Small Motherland – the Basis of Patriotism» (Voronezh, January 31 – Moscow, February 1, 2005) / Ch. ed. S.O. Schmidt. Moscow: Klyuch-S, pp. 309–321.
- Voltaire F.M. (1809) *Istoriya carstvovaniya Lyudovika XIV i Lyudovika XV korolej francuzskih, s privosokupleniem slovaryа vsekh znamenityh Francuzskih muzhej: ministrov, polkovodcev, pisatelej i hudozhnikov, proslavivshih carstvovanie sih gosudarej* [The history of the reign of Louis XIV and Louis XV of the French kings, with the addition of the dictionary of all the famous French husbands: ministers, commanders, writers and artists who glorified the reign of these sovereigns]. Op. in 4 vols. Per. A. Voeikov. Part 3. Moscow: In Univ.
- Zdravomyslov A.G., Yadov V.A., Rozhin V.P. (1967) *Chelovek i ego rabota* (sociologicheskoe issledovanie) [Man and his work (case study)]. Moscow: Mysl'.

Информация об авторе

Шилов Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Общенаучные дисциплины» Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета, член Правления Российского общества социологов (Пермское отделение). Адрес: 618400, г. Березники Пермский край, Улица Химиков, 10, каб. 205. E-mail: vvs595959@mail.ru

About the author

Vladimir V. Shilov – Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of General Scientific Disciplines of the Berznikovsky Branch of the Perm National Research Polytechnic University, member of the Board of the Russian Society of Sociologists (Perm Branch). Address: Chemists Street, 10, office. 205, Berezniki, Perm Territory, Russian Federation, 618400. E-mail: vvs595959@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 06.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 15.04.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 22.04.2021